

Олег ДЕМИДОВ

Родился в 1989 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института. Поэт, публицист, литературовед, исследователь жизни и творчества имажинистов.

Составитель книги «Циники: роман и стихи» (М.: Книжный клуб «Книгобек», 2016), а также собраний сочинений Анатолия Мариенгофа (М.: Книжный клуб «Книгобек», 2013), Ивана Грузинова (М.: Водолей, 2016), Эдуарда Лимонова (СПб.: Питер, 2022) – «КПД», Ивана Приблудного (М.: Русский Гулливер, 2022) – «КПД», антологии русской военной поэзии 2014–2022 годов «Воскресшие на Третьей мировой» (СПб.: Питер, 2022) – «КПД». Автор биографии «Анатолий Мариенгоф: первый денди Страны Советов» (М.: Редакция Елены Шубиной, 2019), трех стихотворных сборников. Литературоведческие статьи публиковались в журналах «Нижегород», «Сура», «Сибирские огни», «Октябрь», Homo Legens, на сетевых ресурсах. Дипломант международной литературной премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Портрет» (2019).

Живёт в Химках.

ВЫЕЗД

С ней фортепьяно позволяло себе некоторые вольности: клавиши охотно шли на контакт, педали, поддавшись её легкой ножке, плавно вжимались в чрево инструмента, – и старинный романс получал разительно иное звучание, одновременно величественное и благородное, но непременно женственное: активировались самые заскорузлые подкорки головного мозга, где трепетно хранится и бессознательно почитается информация о давно забытом матриархате.

Божественно! Божественна! Божественность!

Зазвонил домашний телефон – романс оборвался в истошном визге клавиш. Она деловито морщит носик и резко бросает в прокажённую трубку своё ошеломляюще тёплое «алло», но вмиг её недовольная мордашка становится серьёзной моськой.

– Кто говорит? – спрашиваю я.

– ОМОН, – отвечает она. – Тебя спрашивают.

Я беру трубку. Действительно «ОМОН»: Ренат, друг из силовых структур, любит так представляться. Откуда-то вызнал её номер.

Просит подъехать. В центр. Срочно.

У матросов нет вопросов, а у литератора есть, но это при встрече. А пока в мгновение ока надеваю плащ, целую в лоб жену и мчусь к метро сквозь непогоду.

Время за полночь. Дождит, свистит, ветрит – едрит твою в дышло! Поэтому к моменту, когда я запрыгнул на последний поезд, мой плащ и футболка уже впитали в себя месячную норму осадков, а кости, широкие и толстые, казалось, значительно выветрились и измельчали от порывов стихии.

Вагон был пуст. Я распластался на свободном сиденье. Под ноги выкатилась пустая пивная бутылка. «Пригодится», – думаю я и, чтобы никто не заметил (хотя кому замечать!), ставлю её подле себя. Что угодно могло произойти.

Что угодно может произойти.

И смех и грех.

Поезд еле тащит своё железное тело, поскрипывая монотонно и упрямо, будто старый алкоголик, кое-как добравшийся домой, скрежещет от усталости зубами, продираясь на ощупь сквозь коридор своей квартирки.

Я перебираю мысли, как чётки.

Если бы со мной в вагоне ехал хоть один человек, он с лёгкостью мог бы их спокойно нащупать: «по-любому намечается разборка»; «сколь-ко на сколько; из-за чего весь сыр-бор; вот у меня будет розочка, а если у них будут стволы»; «а если это последние мысли, которые родятся в моей голове?»

Фу, как пошло-то!

Накручиваю тут себя, будто происходит что-то из ряда вон выходящее, – ничего подобного. Такое случается – и надо быть к этому готовым.

Надо быть готовым среди ночи подорваться на вырубку другу, за любимой – на другой конец города, к близкому человеку – на помощь. Такое случается – да, брат. Эти ситуации, или, как говорит тот же Ренат, ситуёвины, закаляют и укрепляют внутренний стержень: из тебя и создают Тебя.

Пока я пытался анализировать ситуацию, поезд дополз до «Славянского бульвара» за какие-то двадцать минут – прячу бутылку за пазуху, выметаюсь и бегу в центр зала. Там мой друг промывает глаза.

– Газовым баллончиком. Суки!.. – спешно сквозь зубы объясняет он. – Сижу. Читаю. Подходит один в очках, вырывает книгу, другой – сумку – вспышка! Я слышу, как они выбегают. Дальше – всё в тумане. Очнулся здесь.

– Хрена себе! – только и могу сказать я.

– Меня сразу же высадили. Помог туркмен какой-то.

– Зачем? – удивляюсь я.

– А надо было до самого Митина катиться в таком состоянии?

– Верно.

– Ладно, идём. Наверху нас ждёт Рамиль. Едем до парка Победы. Эти уроды там сошли.

Рамиль, старший брат Рената, потомственный силовик, подъехал на авто сразу же, как только поступил звонок. Его новенький «Хёндай» блистательно смотрится под дождём. Мы утрамбовались в машину: друг спереди, я на заднее сиденье – там и обнаружили припрятанные под курткой бейсбольные биты и травмат Рената.

– Удостоверение моё взял? – спросил Ренат.

– Взял, – ответил брат. – Куда едем?

– К парку Победы.

Ренат наскоро пересказал брату неприятную ситуёвину, а я только сейчас заметил в зеркале заднего вида распухший глаз друга: не хило – «Черёмухой» или чем-то подобным.

Машина идёт резво и прытко, и дорога в такое время свободна, поэтому на место мы прибыли в считанные минуты. Братья выходят нахмуренные и серьёзные, без лишних слов достают инвентарь – я достаю пивную бутылку: они смотрят на меня и, всё поняв, от души надрывают животы. Умудрённые в подобных разборках братья даже прослезились моей девственной неприиспособленности к разборкам.

Ренат взял травмат, а мы с Рамилом – бейсбольные биты. Заглушили движок и ринулись на поиски обидчиков.

– Кого искать-то? Как они выглядят?

– Гопники. Самые настоящие гопники. Вы их сразу узнаете.

– Кепи, спортивные, ботинки?

– Да, плюс один в очках, плюс второй в белом балахоне с каким-то рисунком на спине и третий... его я не запомнил – всего трое.

Первым делом обошли близлежащие кафе и закусочные, работающие в круглосуточном режиме, – увы, пусто. Напряжённость друга несколько уменьшилась, но осталась слепая ярость и желание мести: он то и дело приговаривает: «Ну, с-с-суки!», «Вот бы их найти!» – и, когда вокруг оказывается безлюдно, перезаряжает травмат. Я бегу трусцой и думаю: «Какие хлипкие биты: такой один раз хлопнешь – поломаешь её, а не соперника».

– Расширим периметр, – говорит Рамиль.

Братья тут же разбежались в разные стороны. Метров на сорок. Идём цепочкой ровно, не отставая друг от друга. Прочесали так всю территорию вплоть до музея. Навстречу нам выходят случайные прохожие, парочки-тройки, загулявшие школьники с учителями, возвращающиеся с экскурсии, рабочие, разбирающие сцену (здесь сегодня был правительственный митинг), – кто угодно, но не обидчики Рената.

За пазухой под плащом комично торчит бита. Я пытаюсь не отставать, не нарушать цепочку и при этом идти так, чтобы инструмент особо не выпячивался. Лет двадцать назад такой персонаж был уместен, сейчас же я смеялся сам над собой: вылизанные под дождём волосы, чёрный плащ, чёрная джинса, лёгкие чёрные мокасины, бита за пазухой – ну, прямо не филолог-аспирант, а рэкетир и беспредельщик. Глядя на такого, и не скажешь, что он разбирается в авангарде 20-х годов XX века, знает наизусть лучшие стихи Серебряного века и пишет диссертацию.

И грех, и смех.

Я давно осознал, что могу склеить ласты из-за своего длинного языка или вот так вот, вписавшись за друга. Но это нормально. Погибать как-то иначе – не по-мужски.

Сомкнули ряды у музея. Мы с Рамилом от спешки немного запыхались, а Ренат только громко вдыхает ночной разреженный воздух и рыскает по парку глазами в поисках человеческих силуэтов.

– Здесь же есть электричка!

– Как? Где?

– Здесь, за музеем.

– Чёрт, они могли и на «собаке» сдрапать.

Немного отдышались и лёгкой трусцой отправились на станцию. На оставшейся территории парка абсолютно пусто – ни единой души, кроме трёх людей, страстно желающих драки.

Хорошо-хорошо. Не трёх, а одного, но и оставшиеся двое желали действия и развлечения. Иначе зря сорвались в ночь из тёплых постелей, от жён и подруг.

На перроне, как и следовало ожидать, гуляет только осатанелый ветер да завывает пара бездомных собак. Пока Ренат приходит в себя, пока мы доезжаем, пока прочёсываем весь парк, проходит полтора часа. За это время хочешь не хочешь, а успеешь ретироваться.

Дождь закончился. Неприятные ледяные капли падают, сносимые ветром, только с деревьев и крыш. Мы прогулочным шагом отправляемся обратно к машине, лениво осматривая прочёсанную местность.

Я думаю о жене, как она переживает: вот ставит чайник и снимает с верхней полки упаковку красного чая, вот идёт обратно к фортепьяно и садится играть, вот пытается что-то сыграть, но дрожащие пальцы не слушаются, вот идёт обратно на кухню и пьёт чай, вот, вот и бесконечное вот...

Пока бегали и выискивали гадов, было тепло и даже уютно от мыслей: сейчас раскидаем их, поломаем биты, вернём вещи – и домой, к женам, к любимым, которые непременно ждут и волнуются. Так было. А на обратном пути, когда эмоции стихли, панцирь из тёплых чувств и резвых мыслей начал пропускать сквозняки. Я плетусь к машине – и зуб на зуб не попадает.

– Пойдём в РОВД, – предлагает Рамиль.

– Заяву писать?

– Нет, эти выродки могли попасться на ещё одной краже и засесть в обезьянник.

– Верно.

Поспешили в отделение, благо Рамиль некогда работал в этом районе и знает все окрестности. РОВД оказалось рядом: на посту высыпается дежурный.

– Уголовный розыск. Бутово, – чеканит Ренат и проходит дальше.

– Уголовный розыск. Гольяново, – чеканит Рамиль и уносится вслед за братом.

– Здравссте! – неловко мямлю я и, пытаясь не засветить биты, пробегаю внутрь.

Надо было бы тоже как-то представиться, грозным и стройным голосом отчеканить: «Аспирант. Мариенгофовед». И, пока прибалдевший дежурный соображал бы, что происходит, я прошмыгнул бы за друзьями.

Но и так хорошо. Только бы не засветить наш инструментарий.

Встречает нас человек в погонах: «Нет, таких случаев не было. Никого сегодня не поступало». Он дремлет перед телевизором и нехотя отвечает на вопросы, которыми выстреливает Ренат. Рамиль, тоже с битой за пазухой, стоит непринуждённо – я же косолапо перетаптываюсь, одной рукой через карман придерживаю инструмент. Оглядываюсь вокруг.

Внутри отделения немногим теплей, чем снаружи. Телевизор выплёвывает глупые шутки то ли «Смехопанорамы», то ли «Камеди клуба». Человек при погонах вертит в руках рацию. Его сонные глаза ползут по каждому из нас, будто улитки, оставляя липкое и неприятное ощущение. Дежурный наверняка понимает: вот эти два – точно опера, а третий – непонятно кто.

Попрощавшись с ним, мы выходим из отделения.

Всё, конец истории.

Гады улизнули наверняка на электричке или скрылись в близлежащих домах. Последняя версия особо бесила Рената:

– Не могут эти гопники жить в таком районе!

Мы, окоченевшие от ветра, доносим свои тела до машины, усаживаемся и минут десять отогреваемся – Рамиль включил печку.

– Что в сумке-то было? – спрашиваю я.

– Ничего особенного. Но сама сумка дорогая! Да книга твоя.

– Ха, которая?

– Ремарк.

– Какая ирония: три товарища забрали «Трёх товарищей».

– Очень смешно.

– А то ж! Не выкинут – почитают да просветятся.

Машина трогается, и мы катимся в свой спальный район.

– Тебе куда? – спросил Рамиль.

– Сегодня в Строгино.

Рамиль ведёт аккуратно, но резво. За окном престижные дома сменяются парками, а потом захолустьем. Вскоре показалась и первая деревня – Строгино. Именно деревня. И Строгино, и Митино, и Бутово, и Лианозово – это всё деревни: неторопливая жизнь, молодёжь лузгает семечки по лавочкам или гоняет на допотопных мотороллерах, скудные магазинчики, мужики и старики развлекаются рыбалкой в близлежащих водоёмах, и никакой культурной жизни.

Авто плавно подъезжает на названную мной улицу.

– Ну и выезд! – смеётся Рамиль.

– Ага, я, между прочим, – гордо говорю я, – наслаждался дореволюционными романсами в живом исполнении.

– Ну, извините, – бросает Ренат, – в следующий раз, когда меня вознамерятся загасить, я предупрежу вас заранее.

И вместе смеёмся этому несмешной шутке.

Я выхожу из машины, прощаюсь с татарами и спешу к любимой. Вижу её издали: беспокойный силуэт у окна. Улыбаюсь и как будто вижу улыбку в ответ.

Ждёт.

Любит и ждёт.